

МУЖЕСТВО ПРЕОДОЛЕНИЯ

Монумент «Память шахтерам Кузбасса» изготовлен в Нью-Йорке, в мастерской всемирно признанного скульптора Эрнста Неизвестного. Отлит в бронзе. Через океан доставлен в Санкт-Петербург, оттуда на автомобильной платформе привезен прямо на Красную Горку и специальными подъемными механизмами установлен на заранее подготовленный мраморный пьедестал.

В 2003 году, накануне Дня шахтера (последнее воскресенье августа), состоялось торжественное открытие монумента, освящение его служителями церкви. Во славу и в память добытчиков кузбасского угля прозвучали речи губернатора Амана Тулеева, главы города Кемерово Владимира Михайлова, специально приехавшего из Америки автора монумента Эрнста Неизвестного... Грянул Государственный гимн России. Затем была исполнена «Рабочая мелодия Кузбасса» — гимн Кемеровской области. Завершил церемонию салют — три залпа воинского подразделения. К пьедесталу монумента хлынули кемеровчане, пришедшие на митинг.

Город обрел новое качество. Красная Горка — исторический центр города — завершила формирование своей символики: природной, рукотворной, поэтической. Осмыслим это событие несуетно и непредвзято.

1

Один из менеджеров Эрнста Неизвестного, приехавший вместе с ним из Америки, скажет потом на пресс-конференции, что по возрасту скульптор - ровесник Кемерова. Гостями наш город воспринимается как молодой, формирующийся. Так оно и есть на самом деле. И все-таки шаг времени у города и человека разный. И по существу зрелый Мастер моложе юного города Кемерова на целых семь лет.

Вот основные вехи его биографии. Эрнст Иосифович Неизвестный (в дальнейшем будем называть его Мастер) родился в 1925 году в семье врача в Свердловске. Участник Великой Отечественной войны. В 1945 году был тяжело ранен. После войны учился в Латвийской академии художеств, затем в Московском художественном институте имени В. И. Сурикова. Параллельно посещал занятия на философском факультете МГУ.

Вначале отдал дань академическому реализму. Затем сформировал собственный стиль, сочетающий особенности символизма и экспрессионизма. Предпочитает бронзу, а в монументально-декоративных рельефах - бетон. Его произведения слагаются в циклы: «Гигантомахия», «Образы Достоевского», «Образы Данте». Его монументальные рельефы и скульптуры установлены в Москве, Ашхабаде, Одессе, Свердловске, Магадане, Калмыкии, Югославии,

Египте, Швеции, Вашингтоне и других местах планеты. В шведском городе Уттерсберге открыт музей «Древо жизни», посвященный его творчеству.

Становление Мастера происходило в контексте советского периода русской культуры. Поколение шестидесятников помнит скандальную выставку в Манеже в 1962 году. Ее посетил Никита Хрущев в сопровождении членов Политбюро и учинил разнос художникам неформального направления. Обратил свое недоброжелательное внимание и на Эрнста Неизвестного. Когда Хрущев умер, Мастер создал на его могиле надгробие, в котором выразил драматизм хрущевского правления. Это произведение можно видеть на Новодевичьем кладбище.

С 1976 года Мастер жил за границей. Менял страны. Обосновался в США. Часто приезжает на родину. В 1996 году в Магадане по его проекту сооружен мемориал жертвам ГУЛАГа с гигантским бетонным Ликом скорби. В том же году Эрнст Неизвестный стал лауреатом Государственной премии Российской Федерации.

Градостроительная этика предполагает, что сразу вслед за автором монумента следует представить архитекторов, разместивших этот монумент в пространстве. Правило это в нашей прессе нарушается. И я, чтобы восстановить справедливость, встретился с главным архитектором Кемерова, почетным архи-

тектором России Олегом Геннадиевичем Ражевым. Ражев свидетельствует:

- Эрнст Иосифович прислал нам свое видение постамент. Я не считал необходимым что-то менять. Авторство на постамент принадлежит Неизвестному. Мы оставили черный гранит, как он просил. Единственное, что мы сделали, - это надпись на постаменте.

Надпись гласит: «Память шахтерам Кузбасса». Автор Эрнст Неизвестный».

И ниже: «Монумент установлен по инициативе губернатора Кемеровской области А. Тулеева при участии администрации г. Кемерово, объединения «Проконьевскуголь», шахты «Распадская», компании «Кузбассуголь». Открыт 28 августа 2003 г.».

Выбор места для монумента и архитектурно-градостроительное решение осуществили Олег Геннадиевич Ражев, Владимир Николаевич Чернявский и Георгий Владимирович Гайфулин, а архитектурное решение элементов дизайна, создание уютной аллеи со скамейками, светильниками, бордюрами по всему береговому мысу пришлось на долю Тахира Анамовича Кулиева. Все они - ведущие специалисты управления архитектуры и градостроительства администрации города Кемерово, чьим талантом и мастерством формируется облик областного центра.

Вначале кемеровские архитекторы разработали несколько вариантов размещения монумента. Два из них были представлены на короткое время в Музее изобразительных искусств. Мы могли впервые увидеть, как выглядит памятник, на фотографиях. Конкурентом Красной Горки была площадка в центре города, возле нового цирка, на которой ранее планировался монумент шахтерской славы. (Разговор о нем шел несколько десятилетий.) Работа Мастера, безусловно, несущая отблеск жертвенного шахтерского труда, приравненного к воинскому подвигу, в то же время мемориал, память о погибших.

Разглядывая фотографии монумента, я сделал для себя открытие, что в различных уголках планеты творческая мысль разных людей пришла к одному и тому же решению: «рука - уголек - пламя». Символический рисунок на эту тему вы можете видеть на обложке альманаха «Красная Горка» и на дорожном щите, указывающем путь к музею-заповеднику. В скульптуре Мастера тот же образ. Шахтер вынул из

груди собственное сердце, и оно светится на его ладони. В груди осталась зияющая сквозная рана.

В одной из телевизионных передач Эрнст Неизвестный, размышляя о творчестве, сказал: «Лучшим скульптором был пушкинский шестикрылый серафим». Затем привел строфы из стихотворения «Пророк»:

*И он к устам моим приник
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрая змеи
Вустазамершиемои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.*

В рисунке «рука - уголек - пламя» как раз тот «уголь, пылающий огнем», привнесенный шестикрылым серафимом, отождествился с углем, который держит в руках первооткрыватель Михаила Волков и который стал символом шахтерского труда.

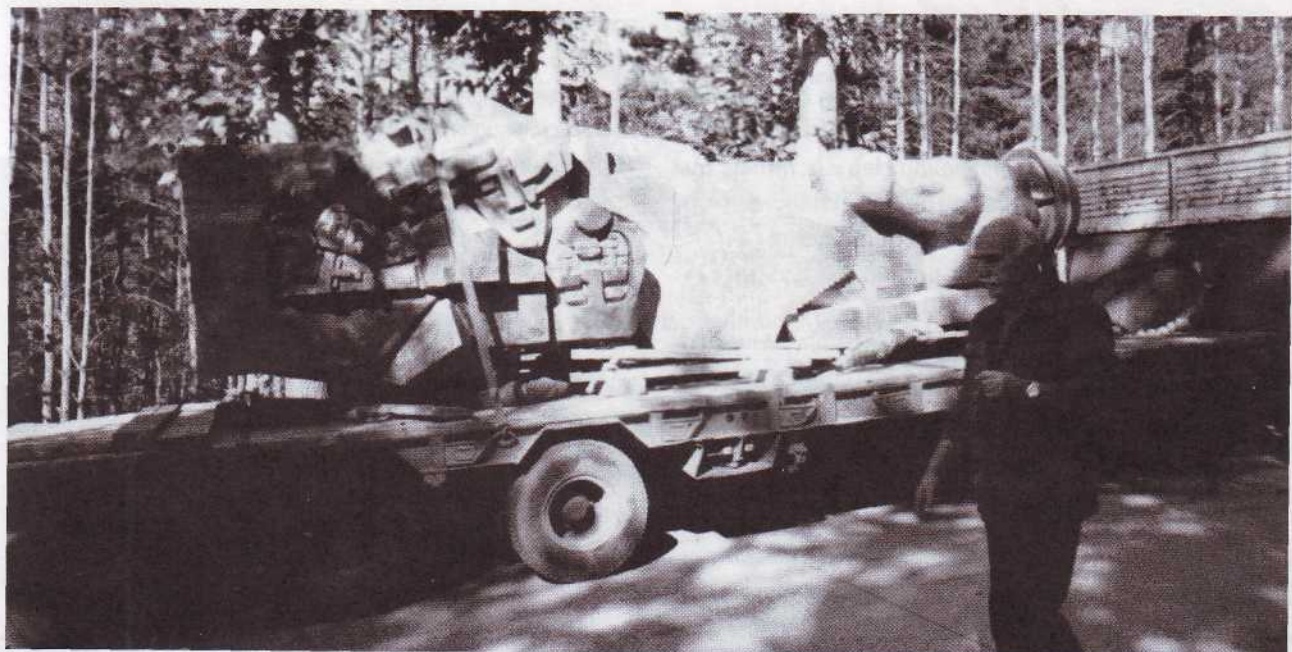
Кстати, серафимы в Библии — это ангелы, особо приближенные к престолу Бога и Его прославляющие. У каждого из них по шесть крыльев. Двумя серафим закрывает свое лицо, другими двумя - свои ноги и двумя летает. Один из серафимов очищает уста пророка, коснувшись их горящим углем с жертвенника, и тем самым готовит его к служению.

Мастер выращивает «Древо жизни», где человеческое сердце сопряжено с изображением креста и кроной дерева. Я тоже думаю о человеческом сердце, создавая образ родного края:

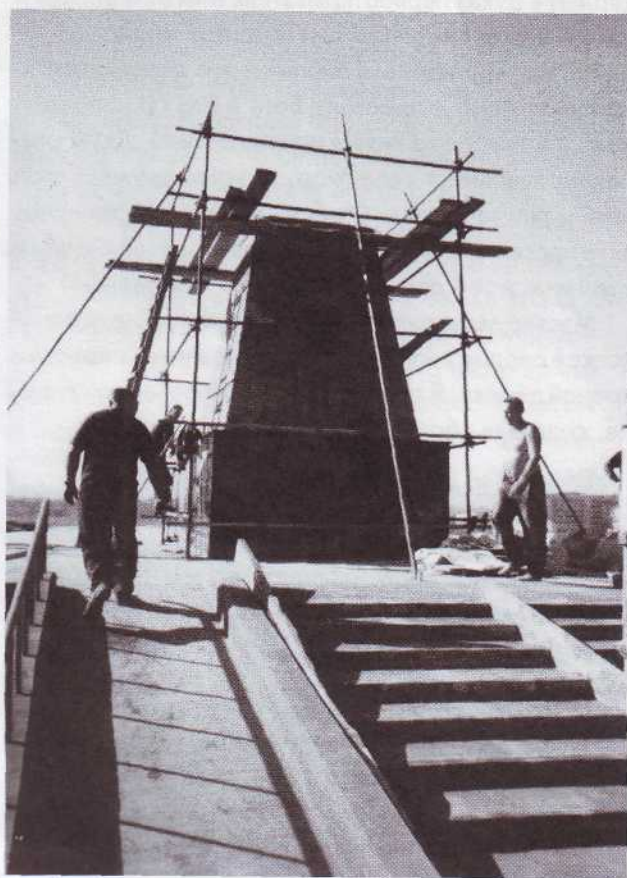
*Кузбасс. Если в карту Сибири всмотреться,
На ней обозначены контуры сердца.*

Поэтическое содержание символического рисунка «рука — уголек — пламя» я пытался передать в следующих строфах:

*Неправда, что года уходят.
Они пристанище находят
В народной памяти
И там
Подобны угольным пластам.*

• Конец пути: от Нью-Йорка до Красной Горки

*Когда заговорила память—
Непогасите это пламя.
Тепло событий, дат, имен
Мы ощутим как связь времен.*

*Невоплотчаянья
«Спасите!»,
Неогненной стихии страх,
А тихое «Непогасите»
В моих доверчивых губах.*

*Вот так, сменяя время года,
Решив запеть в последний раз,
Уходит буйная природа
Осенним пламенем от нас.*

*Когда весь мир багров и красен,
Стремителен полет листвы,
Мы пламени того негасим...
И разве в этом не правы?*

*Живой огонь,
Который, грея,
Зовет стать чище и добрее,
Огонь распахнутой души
Непотуши!
Непотуши!*

Размышляя таким образом, я предложил директору музея Андрею Викторовичу Зыкову обратиться в областную администрацию, постараться убедить ее, что Красная Горка - наилучшее место для памятника шахтерам. В своем письме мы подчеркнули, что монумент, установленный на высоком правом берегу будет хорошо виден с Притомской набережной и других точек города. На заповедной территории он станет организующим центром, рядом появятся Исторический парк, Музей угля, аллея шахтерской славы. Сотрудники музея-заповедника «Красная Горка» ~~дадут~~ посетителям квалифицированный комментарий к творчеству Эрнста Неизвестного, к истории создания и философскому содержанию его новой работы. Конечно же, с монументом «Память шахтерам Кузбасса» мы связывали наши надежды на возрождение и обустройство Красной Горки как исторического центра города.

Наш призыв к властям совпал с выбором самого Мастера. Он, будучи еще в Нью-Йорке, внимательно изучил карты, фотографии, планы, схемы Кемерово и его окрестностей, историю его заселения. И выбрал береговой мыс между первозданным сосновым бором и живописным склоном, заросшим кустарником и сохранившим профили древних скал - вплоть до Горелой горы, где Михаила Волков нашел каменный уголь, вплоть до овальной каменной пристани времен Копикуза и первых угольных штолен над нею. Совсем рядом с родником, носящим звучное имя «Ключик». Над широким плесом, где расположился речной порт для грузовых и пассажирских судов. Напротив двух мостов (один еще строится), выводящих автотрассу и трамвайную линию через окольный подъем к улицам Рудничного района. По соседству с домом Рутгерса, где ныне находится музей, и с вереницей жилых строений, возведенных голландским зодчим Ван Лохемом в начале прошлого века и ставших ныне памятниками архитектуры.

Самыми искусными скульпторами были вода и ветер, создавшие этот рельеф. Отсюда открывается великолепная городская панорама. Я наблюдал ее с детства.

*И четкие контуры зданий,
Встречь солнца направив разбег,
Стремясь наверх стать опозданные,
Вершат за проспектом проспект.*

*Слежу за полетом окраин...
Мой город, тебя узнаю.
Я песню тебе не слагаю.
Я слушаю песню твою.*

2

Мастеру 78 лет. Он невысок, плотен, кареглаз. Над щеточкой усов короткий прямой нос. Поседевшие волосы обрамляют круглый лоб с глубокой морщинкой между кустиками бровей. Говорит неторопливо и время от времени закуривает, не забывая извиниться перед журналистами и представителями администрации, организовавшими пресс-конференцию, которая проходила в зале заседаний музея-заповедника «Красная Горка».

— Мою творческую жизнь определяли два пер-

ста. Один направлен снизу вверх: мы-то, дескать, за, но верхи не поймут. Другой перст наоборот - сверху вниз с тем же смыслом: мы-то за, но низы не поймут. Когда ко мне обратились с предложением сделать скульптуру шахтера, я не торопился с ответом. Опасался, что не смогу взяться за этот заказ, если от меня потребуют апологетики героического труда, несовместимой с моими человеческими и политическими убеждениями.

При встрече с губернатором Тулеевым мы затронули эту тему. Тулеев прервал меня словами:

- Эрнст, я прошу вас запомнить: в каждой лампочке, которая горит, есть капля крови шахтера.

И это сразу решило проблему. Определился ключ идеи. Я понял, каким должен быть монумент. Я понял, что готов его сделать.

Мастер очень волновался, будет ли правильно установлена его работа на Красной Горке. Он ринулся сюда прямо с трапа самолета. И вот его впечатление:

- Я не просто рад. Я восхищен. Объясню почему. Моя практика художника всегда боролась с хором провинциальных бабушек. Делаешь вещь от сердца, порой жертвенно. И вот приходит старушка... Когда я говорю - старушка, то не имею в виду женщину в возрасте, а некую «сенильность интеллектуальную»... Приходит и норовит повязать свой бантик! Сердиться на нее невозможно, потому что она действует из лучших побуждений. Но пережить это очень трудно. И каждый раз, когда я еду на открытие своего монумента, то уговариваю себя не злиться. И вот впервые приехал и обрадовался. И выбранному месту, и странственной разработке. И природному рельефу. И дизайну - фонарям, скамейкам, стендам. Получился замечательный ансамбль.

Мастер снова и снова возвращается к теме творческой независимости художника. Отстаивая эту независимость, он был вынужден покинуть Россию, и сейчас ему очень сложно вернуться. Потребовалось двадцать лет, чтобы создать в Америке мастерскую и коллектив сотрудников. На это ушли большие деньги. Чтобы организовать все это заново на родине - нужны годы, которых уже нет. Все-таки возраст. Мастер поясняет:

- Я никогда не принадлежал к ниспровергателям. Меня часто называли диссидентом. Это неправильно. У меня были друзья-диссиденты. У них было же-

вание что-то изменить в жизни страны. А у меня было одно желание - работать. Мой протест был чисто человеческий, против насилия над личностью. Я хотел работать хорошо, а меня заставляли работать плохо. Это вопрос не столько этический, сколько эстетический. Художник - это монарх, это диктатор. Самый большой враг художника - это советчик, особенно доброжелательный. Он лишает художника воли.

Во все времена политики пытались присвоить себе право диктовать эстетические вкусы. И безуспешно. Потому что искусство невозможно вместить в рамки пропагандистских задач. Искусство делается иногда десятилетиями, а политики меняются очень быстро. Я благодарен судьбе, что могу работать так, как хочу. Я никогда не смирился бы ни с каким социальным заказом, который загонял бы меня в стойло некоей партии или любого другого политического безобразия.

Был задан и такой вопрос: вписывается ли монумент «Память шахтерам Кузбасса» в серию памятников жертвам тоталитаризма - от Магадана до Урала, которую Мастер предлагал в перестроечные годы?

- Нет, не вписывается, если брать сюжетную, так сказать, литературную сторону дела. А духовно - да! Я хотел создать триаду — монументы в моем родном городе Екатеринбурге, которым открывались ворота в ГУЛАГ, Воркуте и Магадане. Мечталось построить треугольник, который бы своими духовными нитями покрывал бы все пространство страдания Сибири. Там в замысле была преамбула страдания. Идея захлебнулась из-за сопротивления бюрократии. Сейчас она уже ушла в историю, в прошлое.

Этот монумент не жертвам. Самоотверженный жертвенный труд? Да. Но главный пафос здесь - сопротивление. Величие тяжелейшего и опаснейшего труда, который не зря приравнивают к ратному.

Еще вопрос:

- Когда вы работали над монументом, в Америку была прислана вся горная атрибутика: каска, отбойный молоток, лампочка, множество фотографий времен шахтерских забастовок... Это помогло?

- Помогло. Но у меня уже были наработаны некие визуальные элементы, которые здесь пригодились: маски, сочленение мышц, мускулов, торс титана, торс Прометея, торс ангела. Это ведь шахтерский ангел,

хотя он имеет все признаки человека. И лицо, я думаю, у него получилось. Шахтерское, российское лицо.

Во время пресс-конференции у меня с Мастером был обмен мнениями. Надежда Николаевна Сафонова, заслуженный врач России, которая ведет фотолетопись и видеолетопись музея-заповедника «Красная Горка», запечатлела этот диалог на пленке. Он очень важен для нашего повествования.

Я обратил внимание Мастера на то обстоятельство, что «уголь, пылающий огнем», который держит на ладони шахтер возле «отверстой груди», и рисунок «рука — уголек — пламя» на обложке альманаха «Красная Горка» выражают одну и ту же идею, воссоздают один и тот же образ. Я даже попытался частично расшифровать суть рисунка: свет познания, просвещения, разума, идущий из глубины веков, под углом золотого сечения, к космическому знанию, приземлен на кемеровской почве кусочком угля, от которого произрастает все магическое древо кузбасской индустрии. Привел строки стихотворения:

*В глубинах земли, недоступных для взора,
Кузбасс—это светится сердце шахтера.*

Мастер принял это знаменательное совпадение, согласился с ним:

- Не надо никаких академий заканчивать, чтобы уяснить это явление. Архетип — опыт предшествующих поколений. Он нам дается от рождения, помимо нашего сознания.

Позднее я обратился сразу к нескольким философским словарям, открывая их на слове «архетип». Слово греческого происхождения, дословный перевод - «первообраз». Это центральное понятие аналитической психологии, которую основал швейцарский ученый Карл Густав Юнг (1875—1961). Архетип - способ связи образов, переходящих из поколения в поколение. В нем структурные элементы человеческой психики, которые скрыты в коллективном бессознательном, общем для всего человечества. Архетипы наследуются подобно тому, как наследуется строение тела. Они лежат в основе творчества и способствуют внутреннему единству человеческой культуры, определяют взаимосвязь различных эпох развития и взаимопонимание людей.

Я подарил Мастеру четыре выпуска краеведческого альманаха «Красная Горка» и сказал, что своим монументом «Память шахтерам Кузбасса» он на-

дежно прописался на томском правобережье. Ему теперь важно знать, какие здесь сосны и березовые рощи, какая рябина и какая полынь. Важно знать о роднике и о том, что вода в нем безукоризненно чистая. О том, какие чистые глаза у окрестных ребятишек и какие замечательные учителя в здешних школах.

Я обнажил символику названий всех четырех выпусков.

«Ключ от города». Историческая хроника Красной Горки. Поэтическая хроника Красной Горки. Становление музея-заповедника. Около восьмидесяти фотографий и гравюр кемеровских художников, придающих достоверность событиям эпохи, сформировавшей исторический центр города Кемерова, его архитектурный облик.

«Окно в Нидерланды». Интернациональный характер Красной Горки. Голландский акцент в сибирской архитектуре. Как проросла Петровская эпоха на берегах Томи. Слово о рудознатце Михаиле Волкове. Слово о зодчем Ван Лохеме, о городе-саде Щегловске. Град сокровенный в гравюрах Николая Кофанова и поэтической публицистике.

Красная Горка как «Духовное поле». Сорок лет писательской организации Кузбасса. Документальное повествование «Пушкин в Кемерове», подкрепленное «Пушкинианой» Германа Захарова (серия гравюр). Поэтическая графика Василия Кравчука. Новые материалы о жизни и творчестве художника В. Д. Вучичевича-Сибирского. Размышления о путях развития музея «Красная Горка» в духе идей русского философа Н. Ф. Федорова.

Красная Горка как «Центр мироздания». Вновь озвучиваю Джордано Бруно: «...И не ищите центра Мира, такого центра в нем нет, каждая точка, каждый человек есть центр Мира». Отзвуки публикации нового перевода «Слова о полку Игореве», сделанного Алексеем Патшиным. Мотивы бессмертного русского эпоса в творчестве кузбасских поэтов. Рубрика «За землю Русскую!» в сопровождении известной серии гравюр Германа Захарова. Новые материалы о Боге погоды А. В. Дьякове, жившем в Горной Шории, и о московском метеорологе, философе и лингвисте Р. Ф. Усманове, нашем друге и единомышленнике.

Я передаю четыре номера Мастеру. Он помещает их перед собой, любовно выравнивает ладонью, растроганно говорит:

- Я ведь ничего этого не знал. Очень вам признателен.

И снова размышляет об удивительно точном размещении монумента:

- Так важно организовать пространство. Как эмоционально-человеческую обособленность и религиозную ритуальность. Она в самодвижении. Надо переживать само движение от реки в гору, к монументу. Искусственно создать такое пространство невозможно. И каждая подробность в этом движении обретает особое значение, апеллирует к лучшим сторонам человеческой природы.

В конце 2003 года мои собратья по перу издали книгу «Собор стихов». Около ста поэтов встали (поставлены) у алтаря со свечами, а их произведения, соответственно подобранные, выстроены в единую анонимную молитву (фамилии авторов можно найти лишь в конце книги).

Один из троих составителей пишет в одном из трех предисловий: «Может быть, это и есть наш путь, не дорога торная и известная, а путь к Храму. За нашими великими стройками, городской теснотой, свалками технического прогресса видны только купола Храма. И мы идем к ним, видя этот воздушный путь, спотыкаясь, потому что нельзя смотреть под ноги - потеряешь ориентир».

Хочется посоветовать ему: «Ты все-таки смотри, куда ногу ставишь, о чьи судьбы спотыкаешься. А нравственные ориентиры надо бы иметь в душе (Бог в душе)».

Одним из символов нашего рабочего края изначально стала шахтерская лампочка на каске горняка. Она именно для того, чтобы пристально смотреть под ноги, не навлечь беды на своих товарищей. Уронишь самоспасатель - искра - взрыв метана. Потому мотив жертвенности в монументе Эрнста Неизвестного «Память шахтерам Кузбасса». Фигура «шахтерского ангела» имеет два атрибута опасной профессии: отбойный молоток, на который шахтер опирается правой рукой, и лампочка на каске, без которой никак нельзя, под ноги смотреть необходимо. И пламя братства, товарищества, любви к ближнему в обнаженном шахтерском сердце.

В публикациях и диспутах о религии как необходимым условием возрождения России часто упоминается имя немецкого поэта Рильке (Райнер Мария

Рильке, 1875-1926), которого называют одним из самых интернациональных и кругосветно любимых литераторов. Он дважды бывал в России, встречался с Толстым и Чеховым, переписывался с Мариной Цветаевой и Борисом Пастернаком, переводил на немецкий «Слово о полку Игореве», стихи Спиридона Дрожжина, прозу Федора Достоевского. Россия стала для него откровением, глубоким интимным переживанием, воплощением братства. Он считал Россию своей духовной родиной, написал о ней книгу «Часослов».

Так вот ему - Рильке - принадлежит знаменательное высказывание: «Все страны граничат друг с другом, только Россия еще и с Богом».

Эти слова подхвачены добрым десятком философов, богословов, писателей. Поборник православия Андрей Кураев, приезжавший в Кузбасс в начале 2004 года, интерпретирует их таким образом: «Когда-то Рильке писал, что все страны граничат друг с другом, а Россия граничит с Богом...». У писателя Вячеслава Дегтева читаем: «И я верю: если Россия - подножие трона Господа, то Бог не оставит Россию».

Кемеровский поэт Виталий Креков преломил этот образ в строке: «Наша бедность граничила с Богом». Я эту строку приемлю, она органична и развивав образ очень личным переживанием. Однажды, когда я был собкором журнала «Российская Федерация», мне довелось полемизировать с известным политологом, утверждавшим, что высокая нравственность доступна лишь обеспеченному слою населения. Что же тогда остается нам, представителям творческой интеллигенции, которые и раньше едва дотягивали до скромного достатка (тогда это был как-то неважно), а сейчас просто обречены на существование ниже прожиточного минимума. Видимо, есть нравственность для богатых (подать или не подать) и нравственность для бедных (просить или не просить).

Упомянутый выше любитель писать предисловия переложил высказывание Рильке весьма своеобразно: «Кто-то сказал, что Бог - это государство, граничащее с Россией. Если продолжить, то Пушкин - это язык, на котором Россия говорит вот уже около двух веков».

Логика, конечно, ошеломляющая. Наконец-то полная ясность, что есть Бог. Это в книге «Площадь Пушкина» (Кемерово, 1999). В предисловии есть

другие «открытия». Например, утверждение, что руководители города в годы советской власти все время пытались убрать памятник Пушкину с площади его имени («Убрать памятник не получилось, тогда оставили его разрушаться»). В опровержение этих наветов альманах «Красная Горка» (выпуск третий, 2002) опубликовал документальное повествование о том, как они (руководители города) памятник Пушкину добывали в столице, везли в Кемерово и устанавливали в лучшем месте города, как выстраивали возле него духовную жизнь областного центра. (Автор памятника — известный отечественный скульптор Манизер Матвей Генрихович, архитектор — Шалашов, время установления — 1954 год.)

Итак, «все страны граничат друг с другом, только Россия еще и с Богом». Полагаю, что Райнер Мария Рильке ощущал Россию самой совестью страной в мире (внутренние нравственные ориентиры в каждом человеке, Бог в душе). Сейчас реформаторы прозападного толка пытаются сделать ее просто законопослушной. (Все, что не запрещено законом, разрешено.)

Когда я говорю о Красной Горке - Центр мироздания, это, конечно, тоже образ. У него есть основа. Десятки языков планеты звучали на томском правобережье, пока существовала автономная индустриальная колония «Кузбасс». И страны вовсе не граничили друг с другом на этой заповедной территории. Наоборот, Красная Горка навсегда соединила их уникальным экспериментом, неповторимым эпизодом человеческой истории, когда рабочие и специалисты всех континентов вместе строили новый социалистический город, исповедуя идеалы свободы, равенства, братства. Возможно, такой уголок единственный на Земле.

Передав Эрнсту Иосифовичу Неизвестному четвертый выпуск альманаха, я питаю надежду, что он, читая их, согласится с ощущением Красной Горки как Центра мироздания и в то же время уютного уголка города, где незнакомые люди здороваются друг с другом при встрече. Я питаю надежду, что Мастер обратит внимание на поиск Германа Захарова, который тоже создавал «Древо жизни». В рисунке кеме-зовского художника все те же образы: крона дерева - человеческое сердце - крест. И опять в разных местах планеты творческая мысль разных людей при-

ходит к одному и тому же решению. Я питаю надежду, что в «Поэтической хронике Красной Горки» будет замечена попытка создать памятник шахтерам в слове. Я имею в виду мои «Стихи о старшем брате».

*Я прожил дольше умерших и павших.
Виньедни считал себя уставшим.
Ностарший брат!
Он остается старшим!
Его кедров, как прежде, — на корню.
Нас разделяют годы, как ступени.
Он со своим уходит поколеньем.
Я никогда его не догону.*

*Мой старший брат.
Легли ему на плечи
Цеха азота, коксовые печи.
Он открывал разрезы в Междуречье.
Грузил горячим камнем поезда.
Ходил с геологами по маршрутам горным.
Под Казом, Шерегешем, Таштаголом
Им найдена железная руда.*

*Я ощущал тепло ладони братской
На «Зиминке», «Чертинской» и «Распадской».
Заговорив с проходчиком,
Под каской
Угадывал знакомый мне овал.
В прорабах и монтажниках Запсиба
Его черты...
И было так — спасибо! —
Я друга старшим братом называл.*

*Мой старший брат прошел попервопутку,
Долине гулкой протрубил побудку.
Я по нему сверял свои поступки,
Отогревался у его огня.
Завидую его плечам покатым.
И так скажу:
Имеет сходство с братом
Портрет родного края для меня.*

3

В 1996 году в Томске, который отмечает ныне свое четырехсотлетие, устанавливалась новая городская черта. Между городом и сельским районом шел

спор о Томском нефтехимическом комплексе, Академгородке и ряде предприятий, территориях садоводческих товариществ, учреждений отдыха, кладбищ. ... Будучи тогда собственным корреспондентом журнала «Российская Федерация» по Западной Сибири, я приехал в Томск разобраться в судебной тяжбе между двумя администрациями - сельской и городской (статья называлась «Спор на меже»).

Мне повезло долго и обстоятельно беседовать с главным архитектором Томской области Василием Федоровичем Косоноговым, градостроительный авторитет которого признан всей Сибирью. Главный архитектор поделился со мной мыслями и суждениями, которые он вынашивал на протяжении всей полувековой своей практики. Полагаю, что они важны и для нас, кемеровчан.

Рождение новой городской черты - процесс исторический, постепенный, объективный и не зависящий от воли отдельных специалистов или администраторов. Их роль сводится к тому, чтобы выявить ее в пространстве, определить сложившиеся связи действующих и возникающих предприятий, понять менталитет населения - ощущает оно себя городским или сельским, предусмотреть вопросы землепользования, чтобы ничьи интересы не были ущемлены. И только после этого городскую черту с максимальной точностью наносят на административную карту, что не исключает дальнейших поправок, которые продиктует жизнь.

Василий Федорович поясняет:

- Если бы разработка новой городской черты была бы поручена не «Томскгражданпроекту», а совсем другому проектному институту, если бы доверенным лицом областной администрации в споре с Томским сельским районом стал бы не я, а совсем другой человек, все равно городская черта развивающегося Томска имела бы тот рисунок на карте, который я вам сейчас показываю. Она не зависит ни от исхода президентских выборов, ни от исхода выборов главы городской администрации. Городская черта - вне политики.

И еще один фрагмент из беседы с главным архитектором. Василий Федорович рассказал мне, что читал свидетельства одного литератора, вернувшегося в родной город после долгого отсутствия, и запнулся на фразе: «Город неузнаваемо изменился».

Архитектор считает, что эта фраза перечеркивает весь лирический настрой автора, убивает его. Город должен меняться узнаваемо. Новые здания, новые проспекты должны быть неуловимо томскими, не мешать строящемуся городу иметь свое лицо, свой характер.

- Хочу вас спросить, вот вы приехали в Томск, где когда-то учились в университете, город для вас узнаваем?

- Узнаваем, Василий Федорович, узнаваем! Узнаваем настолько, что все встреченные мною люди кажутся родными и знакомыми. Узнаваем настолько, что подступают слезы.

*А все-таки дома — не в гостях.
И соловьиной рощи не миную.
Где до сих пор,
Порхая в тополях,
Живут мои шальные поцелуи.*

*И шумный общежитский коридор
Меня выпускает,
Отказаться не вправе.
Здесь до сих пор не замолкает спор
О доблести,
О подвигах,
О славе.*

*Про звездный неразведанный маршрут,
Про новый город на планете старой
Сократы и Коперники поют.
Им хорошо поется под гитару.*

*Веселая республика жива.
Моя коммуна,
Вновь сойдясь на круге,
Верни мои гражданские права,
Восстанови все прежние заслуги.*

Я поведал об этом случае главному архитектору города Кемерова Олегу Геннадиевичу Ражеву. Он хорошо знает Косоногова и его градостроительное мировоззрение. Сообщил мне, что Василия Федоровича уже нет в живых. Что ж, был человек преклонного возраста. Мы погрустили по этому поводу.

Что же касается основной концепции Косоногова, с ней Ражев согласен. Да, город должен менять-

ся узнаваемо. Новые кварталы, площади, скверы, мосты, скульптуры имеют чисто кемеровские черты, естественно и закономерно дополняют облик города, который еще складывается, формируется. Так, массив «Шалготарьян» мог появиться только в Кемерове как память о русско-венгерском сотрудничестве, давшем добрые плоды в семидесятых-восьмидесятых. Вспомним: «Кузбасс - Ноград!». Области-побратимы. «Кемерово - Шалготарьян». Города-побратимы.

Для Кемерова вообще характерен ансамблевый характер застройки. Зодчие предусмотрели коридоры для проветривания областного центра: улица Весенняя, река Искитимка, улица Волгоградская, бульвар Строителей. На Красной Горке - Чертов лог и низина, по которой трамвайная линия и автотрасса выводят на мост. Ну и, конечно, сама Томь, ее просторная долина с первозданным сосновым бором на правом берегу, пляжным островом на стремнине, с набережной вдоль левого берега. К набережной примыкает современный центр, уютный и комфортабельный. С площадью Пушкина, где памятник поэту. С площадью Советов, где памятник Ленину. Кемеровскому центру может позавидовать любой сибирский город.

Были попытки сделать город неузнаваемым, изказать исторически сложившуюся административную площадь. Пришедшие к власти на волне шахтерских забастовок губернатор Кислюк и представитель президента Ельцина Малыхин первым делом уничтожили трибуну напротив памятника Ленину, сооруженную по проекту архитектора Виталия Бурина. Более никаких митингов, новая власть навсегда!

А 13 ноября 1992 года, в пятницу, явно с ведома властных структур, предприниматель Лютенко намеревался демонтировать и сам памятник Ленину, открытый в 1970 году (скульптор Л. Е. Кербель, архитекторы В. Н. Датюк и В. А. Суриков). Наряд кемеровской милиции под началом полковника В. К. Жмурко не позволил надругаться над памятником. Возле него была выставлена охрана.

Потом была идея губернатора Кислюка преобразовать площадь Советов в увеселительный сквер с магазинами, аттракционами, танцевальными площадками. Появились проекты превращения административных зданий в «пятизвездочные» отели, на кры-

шах которых предусмотрены солярии для состоятельных людей. Центр города должен был переместиться за Искитимку.

Параллельно шла дискредитация имени Владимира Ильича Ленина в прессе и трудах фальсификаторов истории. Марксизм и ленинское учение, которые и сейчас преподаются во всех университетах мира, отвергались намертво. Шельмовался весь советский период отечественной истории. АИК «Кузбасс» был объявлен «гигантской идеологической обманкой» и «мыльным пузырем». Появилась книга, ставящая своей задачей «реконструировать восприятие возраста нашего города». «80 или 300 лет - большая разница». У авторов получалось, что Кемерово старше Санкт-Петербурга.

Непостижимо! Томскую Писаницу впервые описала экспедиция Даниила Готлиба Мессершмидта, посланная в Сибирь указом Петра I в 1719 году. С тех пор правым берегом Томи прошли десятки исследователей, оставивших свои свидетельства. Они упоминают Томск (основан в 1604 году), Кузнецк (основан в 1816 году), Верхотомский острог (основан в 1657 году). Горелая гора замечена Волковым в 1721 году, позднее описана Крашенинниковым. И никто не обнаружил возле нее города, даже не предугадал его в тех селениях, которые примыкают к Горелой горе. И вот появляются «пророки назад» и кричат: «Сенсация! Кемерову 300 лет!» Не будет ли правильным увязать возраст города с установлением городской черты, которая, как мы выяснили, вне политики?!

В те «перестроечные» годы я работал в политическом журнале и был свидетелем того, как отстаивал Владимир Михайлов независимость и самостоятельность возглавляемой им администрации. Он со своей командой не дал разрушить городское хозяйство, сохранил лучшие созидательные традиции, сложившиеся при советской власти, не растерял руководителей и специалистов, с которыми многие годы работал бок о бок. Он воспринял сложившуюся идеологию кемеровского градостроительства, естественность и объективность городской черты, всегда держал в сфере своего внимания генеральный план развития города. Кемерово стал первым городом в Кузбассе, где в 1996 году в муках родился устав города и был избран городской парламент - Совет народных депутатов в количестве двадцати одного человека.

В тот год, 1996-й, исполнилось 60 лет со дня рождения лучшего летчика планеты, абсолютного чемпиона мира по высшему пилотажу кемеровчанина Владимира Давыдовича Мартемьянова. А годом раньше было 25 лет со дня его гибели, которая случилась во время тренировочного полета. Мы с братьями по перу возрождали тогда альманах «Огни Кузбасса». Обратились к В. В. Михайлову за поддержкой. Предложили городской администрации провести спортивный праздник в кемеровском небе, возродив традиции ДОСААФ (ныне РОСТО), установить мемориальную доску на доме, где жил Мартемьянов, опубликовать в альманахе его замечательную повесть «Я люблю тебя, небо!». Глава города проникся нашими заботами. И вновь избранный городской Совет народных депутатов единодушно проголосовал «за».

Позднее был заложен памятник Владимиру Мартемьянову в районе цирка. А в 2003 году он посмертно удостоен звания «Почетный гражданин города Кемерова». И в подтверждение истины, что город должен меняться узнаваемо, вновь обращаемся к страницам его повести. А ведь Мартемьянов еще и рисовал.

«...У нас, летчиков, есть возможность увидеть с высоты свой родной город весь, целиком, сразу. Увидеть, как он растет, набирается сил, хорошеет: как просыпаются и оживают его улицы. Там, в синеве неба, мы первыми встречаем восход солнца и последними провожаем его вечером, когда город окутывают сумерки».

Или:

«Вот под крылом мелькнула лента Томи. Река как река, но только она мне дороже и лучше Волги, Днестра и Дуная. Она - мое детство, моя юность, она - частица моего внутреннего мира. Вон плодопитомник, где мы с Валькой Александровым рисовали березки. Здравствуйте, блондинки! Как вы выросли, похорошели! А за ними раскинулся знакомый с детства городской пейзаж, непрерывно пополняющийся новыми зданиями и заводскими трубами.

Здравствуй, мой город, здравствуй, родной дом!»
Владимир Мартемьянов стал символом для нескольких поколений кемеровчан.

*Покамест нет в годах излишка.
Но оглянитесь,
В чем же дело?
Послевоенные мальчишки,
Галерка наша поредела.*

*Не верю в случай.
Верю в жребий.
Погибших поиск —
Мне в наследство.
В далеком недоступном небе
Живет тоска по совершенству.*

Повесть «Я люблю тебя, небо!» впервые опубликована в восстановленном варианте, без купюр, без цензурных и ведомственных вмешательств. Жена летчика Любовь Егоровна Мартемьянова, в прошлом тоже летчик-инструктор Кемеровского аэроклуба, сохранила рукописи книги, ее машинописные варианты, выправленные мартемьяновской рукой. Осуществить первоначальный замысел автора ей помогли воспитанник Кемеровского аэроклуба, военный летчик в отставке, звонарь Знаменского собора Николай Петров и редактор Кемеровского книжного издательства Наталья Захарчук.

Этот принцип - без купюр, без цензурных вмешательств, без фальсификации истории - заложен в другие проекты, в которых город обретает память. Так, стали традиционными Балибаловские чтения, на которых кемеровские историки и краеведы дополняют, уточняют, продолжают известный труд летописца города Ивана Алексеевича Балибалова «Кемерово вчера, сегодня, завтра».

В 2003 году вышла коллективная книга «Это нашей истории строки», написанная известными кемеровчанами, потрудившимися на благо города в шестидесятых-восьмидесятых. В предисловии Владимир Михайлов пишет: «Надеюсь, что книга будет полезна прежде всего молодым людям: в ней они почувствуют дух того времени, атмосферу трудового подъема, патриотизма, энтузиазма, выраженных в конкретных добрых делах. И не только скажут «спасибо» людям старшего поколения, но и примут в наследство их созидательный напор, жизненный накал, страстное желание успеть сделать как можно больше для того, чтобы жизнь в нашем городе стала лучше».

Кемерово узнаваем еще и потому, что в его обли-

ке угадываются черты, воля, характер главы города. В этом повествовании мы будем снова апеллировать к доброй воле В. В. Михайлова, для чего вернемся на Красную Горку, где произошла перестановка уже имеющихся скульптур и символов в связи с открытием монумента Эрнста Неизвестного «Память шахтерам Кузбасса».

На лужайку во двор дома Рутгерса переместилась гипсовая фигура шахтера, опершегося на отбойный молоток. Когда-то в сороковых-пятидесятых она стояла напротив бревенчатого двухэтажного здания райисполкома и возле нее проходили праздничные митинги и демонстрации. Позднее, когда здание райисполкома разрушилось, скульптуру перенесли на склон возле лестницы, ведущей к реке. С другой стороны лестницы - макет шахтерской лампы. Он и сейчас там находится. Полагаю, что и шахтер, и шахтерская лампа - произведения товарищества скульпторов, которое существовало вплоть до открытия кемеровского отделения Союза художников РСФСР (1957 год).

В начале семидесятых выпускник института имени И. Е. Репина художник-монументалист Рудольф Алексеевич Галков замыслил декоративную композицию, посвященную основателям АИК «Кузбасс». К этому времени он был известен как оформитель кафе «Юность» в Новокузнецке, ресторана «Заря» в Прокопьевске, народного театра в Анжеро-Судженске, административного здания Томусинской автобазы в Междуреченске, спортивного комплекса комбината «Азот» в Кемерове.

Рудольф Галков выполнил мозаичные портреты трех видных деятелей АИК «Кузбасс» - Себальда Рутгерса, Билла Хейвуда и Рут Кеннел, подарил их училищу, которое располагалось в бывшей конторе Копикуза (трехэтажное каменное здание, где потом была и контора АИК «Кузбасс»). В наши дни в этом здании разместился Институт углехимии, руководители которого по достоинству оценили произведения Рудольфа Галкова. Мозаичные портреты находились в вестибюле здания и придавали ему исторический колорит.

Потом хозяином всего здания, которое не защищено законом о памятниках истории и архитектуры, стала некая богатая угольная фирма Киселевска. Заместитель директора института Ольга Николаевна Коробецкая передала музею три мозаичные рабо-

ты Галкова и живописное полотно его кисти (на нем тоже изображены аиковцы). Я считаю эти произведения экспонатом № 1. Музея еще не существовало, а они уже были выставлены на обозрение. Их и сейчас следовало бы сделать частью оформления вестибюля. А по сути, это фрагменты неосуществленного замысла замечательного художника-монументалиста.

В октябре 2001 года мы отмечали 80-летие АИК «Кузбасс» и 120-летие голландского архитектора Ван Лохема, который, будучи одним из аиковцев, построил многие жилые дома и административные здания на берегах Томи. 19 октября у входа в дом Рутгерса состоялся митинг, собравший жителей Красной Горки и руководителей города, архитекторов и градостроителей, гостей из Королевства Нидерландов. Среди гостей посол Королевства Нидерландов в России Тиддо Хофстее с супругой, атташе по культуре Ян Хесселинг, председатель фонда архитектурного анализа при Делфтском технологическом университете Питер Ван дер Тоорн Фритъоф, финансовый чиновник Михель Фридерикс, профессор архитектуры Ян Молема и другие.

После приветственных речей был открыт знак на месте будущего памятника. Знак представляет из себя монолитный металлический цилиндр, срезанный под острым углом в небо. На срезе надпись: «Здесь будет установлен монумент основателям Автономной индустриальной колонии «Кузбасс». 1921—1927 гг.». Слева три металлические ленты: белая, синяя, красная - цвета Российского флага. Справа три ленты тех же цветов, только в другом порядке: красная, белая, синяя - цвета флага Королевства Нидерландов. У двух символов разных государств - кровное родство. Петр Первый позаимствовал цвета голландского флага вначале для российского торгового флота. Уже потом они стали цветами российской государственности.

К этому знаменательному событию приурочен выпуск альманаха «Красная Горка» под названием «Окно в Нидерланды». В приветствии голландских архитекторов говорится: «Триста лет назад, когда царь Петр, прорубая «окно в Европу», прибыл в нашу страну в составе Великого посольства, Нидерланды одними из первых сказали России «да» и оказали ей помощь в создании флота. В двадцатые годы прошлого столетия, когда молодая советская республи-

ка поднимала свою промышленность, Нидерланды снова сказали России «да», и голландские специалисты стали участниками АИК «Кузбасс», строили Кемеровский рудник и коксохимзавод. Когда голландские энтузиасты организовали празднование «Года Петра Первого» в 1996—1997 годах, Нидерланды снова сказали России «да»: Фонд архитектурного анализа и Делфтский технологический университет прислали своих архитекторов и градостроителей, чтобы помочь вернуть к жизни исторический центр города Кемерово».

В фондах музея есть медаль, подаренная голландскими архитекторами в ноябре 1997 года. На одной стороне изображен могучий парусник, от которого отошла шляпка с Российским флагом, и написаны слова: «300 лет великого посольства Петра I». На другой - «Царь-плотник» - фрагмент известной скульптуры, что стоит в Санкт-Петербурге возле Невы напротив Адмиралтейства. Изображения на медали стали символами Красной Горки наряду с рисунком «рука - уголек - пламя», графическим силуэтом дома Рутгерса, портретом Михайлы Волкова, созданным Германом Захаровым...

Есть еще многочисленные фотографии и рисунки скульптуры рудознатца, рожденной Георгием Николаевичем Барановым и установленной в 1968 году на площади имени Волкова. Это символ Кемерово. Он появился задолго до открытия музея-заповедника «Красная Горка».

Баранов - автор и белого обелиска, который мы привыкли видеть на береговом мысе, где ныне открыт монумент «Память шахтерам Кузбасса». Обелиск переместился под крыло дома Рутгерса, по-прежнему виден с левобережья. Он бережно отреставрирован. Восстановлена надпись: «Первооткрывателю кузнецкого угля Михаиле Волкову в день 50-летия Кемеровского рудника. Сентябрь 1957 г.».

Состоялся митинг, узаконивший старый памятник на новом месте.

В ноябре 2003 года напротив дома Рутгерса, где разместился музей-заповедник, произошел пожар,

с предложением дом не восстанавливать. Наоборот, снести его полностью, а также убрать баню, гараж, хозяйственные постройки, ветхие заборы. Пострадавшим семьям помочь получить благоустроенные квартиры.

Освободившуюся территорию, занятую ныне огородами, считать музейной и разбить на ней исторический парк. В центре парка установить обещанный монумент основателям АИК «Кузбасс» (над проектом работают голландские архитекторы), посадить деревья, построить прозрачный павильон для подаренного музею самолета, выставить горную технику прежних времен, поднять сюда с берега Томи красивые камни, обожженные древним пожаром, разместить скамейки, разбить цветочные клумбы.

Дом Рутгерса станет частью исторического парка, увязанного с посадками высокого правобережья (деревья здесь вырубил в 2000 году) и с пешеходной аллеей, ведущей мимо родника к монументу «Память шахтерам Кузбасса». Возле родника и дома Рутгерса предусмотреть смотровые площадки и удобные спуски к реке.

Оказалось, что в Кемеровском управлении архитектуры и градостроительства этот проект уже разрабатывается. Пожар ускорил развитие событий. Положительному решению вопроса способствует и существующая программа сноса ветхого жилья. Уже родился документ «Ориентировочный объем и стоимость работ по благоустройству музея-заповедника «Красная Горка».

Характерно, что и голландский зодчий Ван Лохем, строивший в 1926-1927 годах жилые дома и учреждения на Красной Горке, и отечественные архитекторы П. А. Парамонов и А. Д. Крячков, авторы проектов застройки левобережной части города (1918 год), исповедовали идею города-сада, популярную в Европе в начале XX века. Гармония с природой; сохранение ландшафтов, лесов и рощ; расселение людей в «здоровой среде»; развитие садоводства и огородничества... Планировка кварталов, улиц и площадей подчинялась этим требованиям.

На обоих берегах Томи замысел города-сада осуществлен лишь частично. Тому есть объективные причины - неумолимый ход истории: индустриализация, военное лихолетье, восстановление разрушенного войной хозяйства, экологическое бедствие, шахтерские забастовки, закрытие шахт в ходе гибельных для страны реформ... Все это поле для ис-

следовательской работы музея-заповедника «Красная Горка». Пришла пора в градостроительстве вернуться к первоначальному замыслу.

У поэта Игоря Киселева есть строки:

*Трогаю молоденькие липы,
Юнуюпушистуюлиству,
И негромко говорю: — Спасибо! —
Городу, в котором я живу.*

Эти строки процитировала Ирина Федоровна Федорова, заместитель главы города по социальным вопросам в статье для альманаха «Красная Горка», которая так и озаглавлена: «Городу, в котором я живу». Процитировала и добавила: «Суть забот наших сегодняшних в том, чтобы и город имел все основания сказать нам «Спасибо!»».

4

Когда я захотел узнать историю форменной одежды горняка, шахтера, это оказалось не так-то просто. Прежде всего форма свидетельствует о том, что профессия эта важна для государства. Форма была также у железнодорожников, речников, работников гражданской авиации, представителей юстиции... Удалось выяснить, что насчет шахтерской формы в 1947 году было ведомственное постановление, а в 1976 году подкрепляющее решение Министерства угольной промышленности.

Знающие люди рассказали, что форма черного цвета положена горноспасателям, работникам надзора (начиная с горного мастера), инженерно-техническим работникам. Особая форма (сероватого цвета) - у почетных шахтеров. Кстати, основной знак отличия одежды горняка, а именно скрещенные молот и кирка, изображен на гербе Кемеровской области и на фоне шахтового террикона символизирует ее индустриальную принадлежность.

Тот пожилой горняк, о котором я хочу рассказать, был в строгом черном кителе с орденами и медалями. Среди них орден Шахтерской славы. Был он, пожалуй, постарше меня лет на семь (возраст моего старшего брата). В руках пакет, тщательно обернутый газетой. Видимо, букет цветов.

Последнее воскресенье августа 2003 года - День шахтера. Монумент «Память шахтерам Кузбасса», открытый накануне в присутствии автора Эрнста Не-

известного, доступен всем желающим. Ветеран перешел мост пешком, поскольку на ближайшем участке автотрассы доукладывали асфальт и движение автобусов было прервано. Он приближался к монументу снизу, не отрывая от него глаз. Смотрел на могучий торс, мускулистые руки, аскетическое лицо, на пламя, вырвавшееся на ладонь из «отверстой» груди. Внизу, ближе к мраморному пьедесталу, «маски» (лики погибших собратьев).

Пока одолевал лестницу и склон берегового мыса по тропке среди низкорослого кустарника, шахтер несколько раз останавливался - отдыхал. По-прежнему смотрел на монумент. А когда достиг цели, внимательно прочитал надпись на нем.

Возлагать цветы не торопился. Вначале прошел всю аллею вплоть до овальной площадки, ставшей стоянкой для автомашин. Оценил добротню устроенную автобусную остановку, торговый павильон, милицейский пост, светильники, скамейки, ряды ухоженных тополей - по два с каждой стороны, пешеходную тропу, ведущую через хвойные посадки к роднику и далее - мимо домов, построенных еще Ван Лохемом, к зданию музея «Красная Горка»... Потом присел на скамейку и задумался.

Думы у людей нашего поколения похожи. Мне приходилось читать интервью Эрнста Неизвестного, данное несколько лет назад. Он говорил, что его «Лик скорби» в Магадане и другие произведения этого ряда задуманы как противостояние «утопическому сознанию» советского периода. На недавней встрече с журналистами в музее-заповеднике «Красная Горка» Мастер заметил, что сейчас этот мотив потерял актуальность, ушел в историю.

Не ушли в историю (остались невысказанными) мои возражения против этой концепции. Я считаю, что главной ошибкой реформаторов (да и ошибкой ли?) стало настойчивое стремление объявить коммунистические (социалистические) идеалы утопией. Будто бы эти идеалы родились вместе с советской властью и вместе с ней умерли. Между тем коммунистические идеалы имеют столь же древнюю историю, как и христианство, и в становлении моральных и нравственных основ человеческого бытия с православием, да и с любым другим вероучением, неразрывно связаны.

Связаны они и с менталитетом русского народа,

сложившимся на огромных пространствах нашей страны и в ее суровом климате, с его соборностью, совестью, извечным стремлением к справедливости.

Думаю, что коммунистические идеалы и должны быть утопией, мечтой, звездой притяжения. По мере того как общество (человечество) к ним приближается, коммунистические идеалы усложняются, обретают новое содержание и новую высоту. Этот процесс видится мне законом исторического развития. Он не может остановиться, застыть. Тем более досадно, когда начинается движение вспять.

Усложняясь, коммунистические идеалы отдаляются. Но на пути к ним - согласие в обществе, материальный достаток в семье, бесплатное общедоступное образование, забота государства о твоём здоровье, о стариках и детях, мирное разрешение международных конфликтов. Нет безработных! Нет голодных! Нет беспризорных! Нет отчаявшихся!

Посмотрите, то, что сгоряча объявлено «утопией», недостижимой мечтой, возвращается и присутствует так или иначе в программах всех партий и движений. А общенациональная патриотическая идея, вернее, поиск такой идеи становится главенствующим в политике государственных структур.

Рустем Фатыхович Усманов обратил мое внимание на откровение древних пифагорейцев, сделанное в третьем веке до новой эры: «Если сделана ошибка в истинности начала, то из того, что следует за ним, ничто уже не будет правильным». Идет в стране преодоление ошибки, допущенной реформаторами в начале девяностых годов. Ошибки, приведшей к неоправданным человеческим жертвам, не менее страшным, чем в годы фашистского нашествия, к расслоению общества, к обнищанию большинства населения.

Мужество преодоления ощутимо в новой работе Эрнста Неизвестного «Память шахтерам Кузбасса». Я наблюдаю, как ветеран поднялся со скамейки и развернул обертку на букете цветов. Цветы не привозные, видимо, со своего садового участка. Шахтер бережно положил их к подножию монумента. Значит, принял, согласился.

Согласимся и мы с новой скульптурой на Красной Горке, новым ее символом. И закончить это повествование хочется строками поэмы «Планета Кеме-

рово». Я рожал их, не думая об архетипах сознания, об опыте предков. Но так или иначе обозначил нравственные ориентиры, которые вовсе не надо писать на куполах Знаменского собора или той часовни, которую архитекторы обещают построить возле монумента «Память шахтерам Кузбасса». Мы несем эти нравственные ориентиры в себе, они даны нам от рождения.

*Сибирский формируется характер.
Мысталиосмотрительнейвазарте.
Рисунком сердца на Российской карте —
ПланетаКемерово!
Только позови —
Любовь моими говорит устами.
Язнаю:наскогда-нибудьнестанет,
Аоностанется,
Прозрачный пласт любви.*

*Аоностанется,
Пластсовестиидружбы
И нежности, нам всем порою нужной.
Останется,
Испытанный не раз,
Пластмужества—длянаснеобходимый.
По существу, мы хрупки и ранимы.
И беды вовсе не проходят мимо,
Должнобыть, тожевыпадаютвпласт.*

*Аоностанется,
Пластненавистижгучей
К доносам, дрязгам, подлости живучей.
Останется,
Красивый и могучий,
Сибирскийпластталантаитруда
И будет жить душой родного края.
Посуществу, ничто не умирает.
Ничто не исчезает без следа.*

*Пласты под грузом времени слезятся,
Наверняка потомкам пригодятся.
В столетии, неведомо каком,
Их обнаружат где-нибудь под кручей,
И обнажат,
И тщательно изучат.
Потом из них тепло и свет получат
И обогреются.
И вспомнят нас добром.*

НАДПИСЬ НА ПЬЕДЕСТАЛЕ:

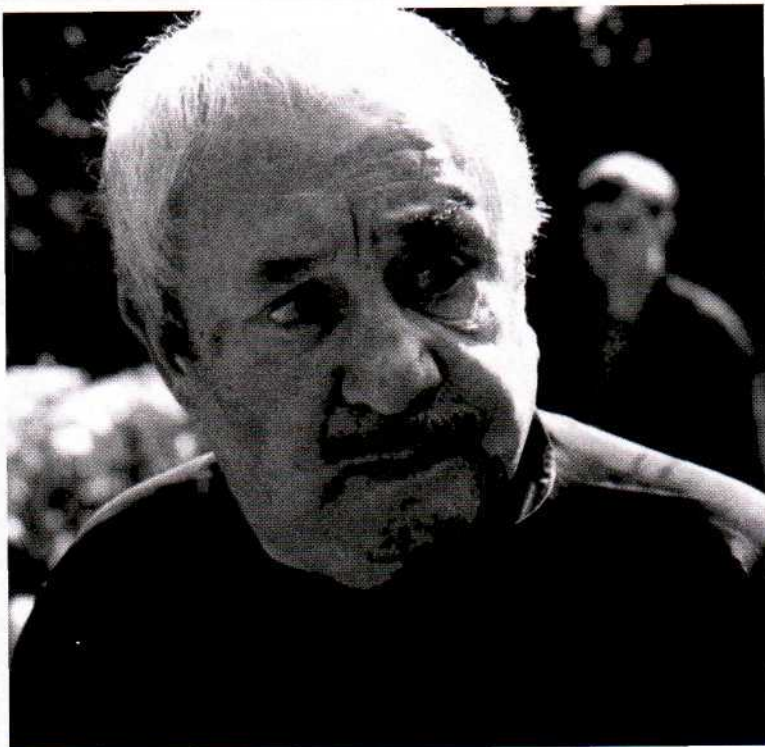
«ПАМЯТЬ ШАХТЁРАМ КУЗБАССА»

Автор Эрнст Неизвестный

Монумент установлен по инициативе губернатора Кемеровской области А. Тулеева при участии администрации города Кемерово, объединения «Прокопьевскуголь», шахты «Распадская», компании «Кузбассуголь».

Открыт 28 августа 2003 года.

- Эрнст Неизвестный на Красной Горке
- Открытие монумента

- Изменение пейзажа
- Сотрудники и гости музея. В центре Эрнст Неизвестный

